

Награждение японских военнослужащих российскими наградами в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1922)

С. В. Гришачев, З. А. Шмакотина

Аннотация

Период от окончания Русско-японской войны до октябрьской революции 1917 г. – это время политического, экономического и культурного сближения России и Японии. Инерция этого сближения определила стратегию в отношении России и в годы Гражданской войны – японская политическая элита сделала ставку на те силы, которые подтверждали преемственность военных и финансовых обязательств Царского и Временного правительств.

В Первую мировую войну страны вступили фактически союзниками, этот союз увенчался договором 1916 г. Элементом сотрудничества стало и его отражение в символических действиях. За годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и, собственно, в годы самой войны российских наград удостоились сотни японских военнослужащих. В статье анализируется состав военнослужащих, какими наградами и за какие заслуги были награждены представители императорского дома, выбравшие военную службу, дипломаты, генералы, а также адмиралы флота и морские офицеры, инженеры и водолазы.

После октября 1917 г. Япония еще несколько лет поддерживала представителей Белого движения, адмирала А. В. Колчака. Кроме того, и даже с большей активностью поддержка оказывалась атаману Г. М. Семенову. Например, японские гарнизоны размещались в Забайкалье с осени 1918 г. с его приходом там к власти. Парадоксальным образом, многие японские офицеры и рядовые были представлены в годы Гражданской войны к российским наградам, чему также есть подтверждения в архивных документах.

Ключевые слова: Россия и Япония в н. XX в.: ордена Российской империи, орден Св. Станислава, орден Св. Анны, орден Андрея Первозванного,

орден Св. Александра Невского, броненосный крейсер «Пересвет», линкор «Императрица Мария», Танака Котаро, принц Канъин, Особый Маньчжурский Отряд.

Авторы:

Гришачев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения ФМЭИМП НИУ ВШЭ: 105066 Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 5.

E-mail: sgrishachev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6039-9637

Шмакотина Зоя Алексеевна, студентка 5 курса ОП «Востоковедение» Школы востоковедения ФМЭИМП НИУ ВШЭ: 105066 Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 5.

E-mail: Zoya.shmakotina@gmail.com

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Rewarding Japanese Servicemen With Russian Awards During World War I and the Civil War (1914–1922)

Grishachev S. V., Shmakotina Z. A.

Abstract

The period from the end of the Russo-Japanese War to the 1917 October Revolution was a time of political, economic, and cultural rapprochement between Russia and Japan. Moreover, this rapprochement was observed after the events of 1917 for several more years, since, during the Russian Civil War, Japan supported the anti-Bolshevik forces in the Far East.

The two countries entered the First World War as de facto allies; this alliance culminated in the Treaty of 1916. Its reflection in symbolic actions was also an element of this cooperation. In the years before the First World War, and, actually, during the war, hundreds of Japanese servicemen were given Russian awards. The article analyzes the composition of military personnel, what awards and for what

merits were presented to the members of the Imperial House who did military service, diplomats, generals, as well as fleet admirals and naval officers, engineers, and divers.

After October 1917, Japan supported members of the White Movement and Admiral A. V. Kolchak for several more years. In addition, even more active support was provided to Ataman G. M. Semenov. For example, Japanese garrisons were stationed in Transbaikalia starting from the autumn of 1918, when he came to power there. Paradoxically, many Japanese officers and enlisted men were presented with Russian awards during the years of the Civil War, which fact is also confirmed in archival documents.

Key words: Russia and Japan in the beginning of the 20th century, Orders of the Russian Empire, Order of Saint Stanislaus, Order of Saint Anna, Order of Saint Andrew the Apostle the First-Called, Order of Alexander Nevsky, battleship *Peresvet* (*Sagami*), dreadnought *Imperatritsa Maria*, Tanaka Kotarō, Prince Kan'in Kotohito.

Authors:

Grishachev Sergey Victorovich, PhD (History), Associate Professor, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University: 21/4(5), Staraya Basmannaya Street, Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: sgrishachev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6039-9637

Shmakotina Zoya Alekseevna, student of the “Asian and African Studies” educational program, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University: 21/4(5), Staraya Basmannaya Street, Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: Zoya.shmakotina@gmail.com

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

В последнее время проведено уже немало исследований по истории российско-японских отношений в н. XX в., свидетельствующих о том, что после войны 1904–1905 гг. между двумя странами намечалось принципиальное геополитическое сближение, а в годы Первой мировой они уже были фактически союзницами. Это сильно корректирует укорененное в отечественной научной литературе,

да и в общественном сознании упрощенное представление о том, что две страны в 1-й пол. XX в. жили лишь в состоянии постоянной конфронтации. Безусловно, нельзя отрицать тот факт, что между двумя странами в этот период регулярно возникали моменты напряженности и даже вооруженные конфликты, однако говорить о системном противостоянии, длившемся четыре десятилетия, все же не приходится [Гришачев 2020]. Периоды обострения отношений сменялись периодами деэскалации, а порой даже и сближения. Более того, динамику двусторонних отношений в указанный период нельзя свести к упрощенной формуле «противостояние–сближение». В реальности процесс был намного более сложным и многослойным.

Нижеприведенное описание ситуаций и причин вручения наград японским дипломатам и военным как раз показывает многофакторность взаимодействия двух государств в обстоятельствах сотрудничества в годы Первой мировой войны и в условиях глубокого внутреннего раскола в России в годы Гражданской войны. И за награждениями, произведенными в эти годы, достаточно хорошо просматривается политическая, дипломатическая и практическая мотивация сторон, что более фактурно высвечивает сюжеты и вопросы, по-настоящему актуальные для двусторонних отношений в описываемый период.

Восстановление отношений между Россией и Японией после 1905 г. и память о войне

Диалог между Россией и Японией вскоре после войны довольно быстро налаживается. Заново устанавливаются дипломатические отношения, теперь уже на уровне послов. Постепенно происходит раздел сфер влияния на северо-востоке Цинского Китая – в Маньчжурии и Монголии, где стороны пытаются не допустить проникновения других держав. Интенсифицируется экономическое сотрудничество, налаживается торговля по железным дорогам Маньчжурии, за которые еще недавно велась ожесточенная борьба.

Сближение сопровождается и символическими событиями, в частности – визитами представителей японского императорского дома. Данная практика была прервана в период войны, но теперь она возобновляется, и чаще всего это непродолжительные посещения, являющиеся частью поездки в Европу. Так, в апреле 1909 г. в Царском селе

Николай II встретился с принцем Куни Куниёси¹, которого сопровождали представители японского посольства. В мае того же 1909 г. подобная встреча состоялась с принцем Насимото Моримаса и его супругой, а весной 1910 г. – с принцем Фусими Саданару и его супругой². Самый известный приезд – визит принца Канъин Котохито, совершенный в 1916 г., – был наиболее продолжительным, он совершался именно в Россию (теперь уже страну-союзницу) и довольно подробно освещался в прессе.

Надо отметить, что вышеуказанные представители японского императорского дома в свое время выбрали военное образование и карьеру, и все они так или иначе приняли участие в Русско-японской войне, за что были удостоены наград на родине. В свете вышесказанного особенно любопытным представляется тот факт, что часть из них во время визитов в Россию уже после 1905 г. были представлены к высшим российским наградам,

Так, например, принцы Куни Куниёси и Насимото Моримаса были награждены орденами Св. Андрея Первозванного, а Фусими Саданару – не только высшим орденом Российской империи, но также еще и орденом Св. Александра Невского [Левин 2003, с. 38; Пономарев, Шабанов 2009, с. 870]. Участников войны с Россией теперь награждали в столице недавнего врага.

В эти годы быстро налаживается и сотрудничество по увековечению памяти погибших в ходе войны 1904–1905 гг., как с одной, так и с другой стороны. Эта память довольно быстро приобретает примирительный, причем порой показательно примирительный характер.

Стороны предприняли множество усилий для того, чтобы захоронить останки и обустроить могилы павших в Маньчжурии, а также скончавшихся в плену в годы войны в самой Японии. Мероприятия по увековечению памяти павших были проведены в торжественной обстановке, с участием дипломатов и военных. Летом 1908 г. Порт-Артур (яп. Рёдзюн) посетил вице-адмирал Н. А. Матусевич (1852–1912). В годы Русско-японской войны он принимал участие в бое-

¹ Принц Куни-но-мия Куниёси 久邇宮邦彦王 (1873–1929) – член императорской фамилии, участник Русско-японской войны, впоследствии фельдмаршал. Принц Насимото-но-мия Моримаса 梨本宮守正王 (1874–1951) – военный, в чине капитана участвовал в войне 1904–1905 гг., впоследствии фельдмаршал. Принц Фусими-но-мия Саданару 伏見宮貞愛 (1858–1923) – участник Японо-китайской и Русско-японской войн, впоследствии фельдмаршал.

² РГИА Ф. 473, оп. 2, д. 1951, л. 4–11

вых действиях, в частности – в сражении в Желтом море. К 1908 г. он дослужился до должности начальника Владивостокского порта. В сопровождении японских военных он посетил церемонию открытия памятника русским защитникам Порт-Артура. После этого визита он предложил наградить сопровождавших его двух японцев: старшего лейтенанта Матида Бунъити он ходатайствовал представить к ордену Св. Анны 3-й степени, а переводчика Хино Бумпэй – к ордену Св. Станислава 3-й степени³.

Кроме того, в Петербурге обсуждался вопрос о награждении знаками отличия членов японской комиссии по сооружению памятника русским защитникам Порт-Артура, а также тех, кто принимал российскую делегацию на открытие этого памятника.

В ответ в сентябре 1908 г. Н. А. Матусевич прислал российскому генконсулу в Дальнем (яп. Дайрэн) Н. А. Распопову серебряный венок с просьбой возложить его на братскую могилу теперь уже японских моряков, павших под Порт-Артуром. Как сообщал в донесении от 16 сентября 1908 г. сам Н. А. Распопов, «Японские власти, уведомленные о таковом акте нашего адмирала, воспользовались этим случаем, чтобы вновь подчеркнуть свои дружественные к нам чувства»⁴. Поэтому возложение венка было обставлено торжественно. Н. А. Распопова встречал адмирал Эгасира Ясутаро. Вместе они поднялись на Перепелиную гору, где был выстроен почетный караул и оркестр. Н. А. Распопов возложил венок, присланный адмиралом Матусевичем, под звуки японской традиционной музыки. После церемонии состоялся совместный завтрак⁵. Мероприятия по увековечению памяти русских солдат и моряков столь же торжественно проводились и в других местах⁶.

Японская сторона по дипломатическому этикету совершала ответные жесты. Интересный случай произошел летом 1910 г.,

³ РГАВМФ Ф. № 417, оп. № 5, д. № 3110, л. 1–2. Однако впоследствии, по неустановленным причинам, японская сторона исключила последнего из списка награждения: Там же: РГАВМФ Ф. 417, оп. 5, д. 3110, л. 4–5.

⁴ РГАВМФ Ф. 417, оп. 2, д. 1099, л. 319–320

⁵ Там же: РГАВМФ Ф. 417, оп. 2, д. 1099, л. 319–320

⁶ В 1908 г. на о. Оки (преф. Симанэ) была обустроена братская могила русских моряков, чьи тела выбросило на берег после Цусимского сражения. Над могилой был установлен памятник силами общества местных японских военных и местной же администрации, а на церемонии его открытия присутствовало около 500 человек. Русское посольство профинансировало установление ограды вокруг этого памятника.

когда военная делегация во главе с генерал-майором Хосино посетила г. Харбин для того, чтобы от лица императора Мэйдзи лично вручить награды российским офицерам, которые присутствовали в Порт-Артуре на открытии памятника павшим русским же воинам. Награды были приняты, однако в ответ на запрос министра финансов В. Н. Коковцова, как поступить в данной ситуации, военный министр В. А. Сухомлинов передал волю государя. Николай II хотя и посчитал это событие жестом исключительной международной вежливости, не имеющим еще прецедента, тем не менее, рекомендовал пока оставить его «без соответствующего ответного акта и отложить таковой до первого подходящего случая, когда представится возможным оказать японскому правительству с нашей стороны подобное же внимание»⁷. Таким образом, царь, видимо, полагал, что у ответного дипломатического жеста должно быть какое-то обоснование и повод.

Так или иначе, все эти действия говорят о том, что вчерашние соперники довольно быстро стали проявлять официальную симпатию по отношению друг к другу. Разумеется, это было не изъяснением некой дружбы народов, а символическим оформлением геополитического сближения, столь необходимого на тот момент, а также и знаком элитам обеих империй.

Военное сотрудничество в 1914–1917 гг. и символические награждения августейших персон и высших военных чинов

Как известно, в годы Первой мировой войны Россия и Япония вступили уже союзниками. И хотя японские солдаты так и не оказались в окопах на европейском театре боевых действий, тем не менее, сотрудничество в военном и военно-экономическом аспекте между двумя империями было достаточно заметным. Россия разместила в Японии колоссальные заказы на изготовление и поставку вооружения для армии – винтовки, патроны, пехотный саперный инструмент и т.д. Японские военные наблюдатели были направлены в разные рода войск русской армии – пехоту, флот, артиллерию и др.⁸ В Петроград

⁷ РГИА Ф. 560, оп. 45, д. 70, л. 153.

⁸ Довольно остро и долго обсуждался вопрос об отправке японских добровольцев на фронт, однако, несмотря на желание большого количества волонтеров, сам этот факт пока

с гуманитарной миссией прибыл и два года (с 1914 по 1916 гг.) работал госпиталь японского Красного креста [Пестушко 2008].

Элементом этого сотрудничества было даже военное сотрудничество на море. После того, как в августе 1914 г. германский крейсер-рейдер «Эмден» захватил шедший из Нагасаки во Владивосток пароход «Рязань», по просьбе из Петрограда японское военно-морское командование отрядило два миноносца для охраны русских торговых судов в своих территориальных водах [Павлов 2014, с. 14].

Как и прежде, в годы Первой мировой войны символическим подтверждением российско-японского сближения становятся показательные награждения высокородных и высокопоставленных лиц. Наиболее ярким эпизодом здесь следует назвать визит великого князя Георгия Михайловича, посетившего Японскую империю в январе 1916 г. Этот визит имел важное политическое значение – помимо выражения уважения и дружеских чувств к стране-союзнице, необходимо было внушить японскому правительству, бизнесменам и финансистам необходимость скорейшего налаживания и увеличения производства вооружения для русской армии. Визит был обставлен очень торжественно, и в программу встреч великого князя входил чуть ли не весь истеблишмент Японии, начиная с императора Тайсё.

В ходе личной встречи с японским императором была выражена благодарность за уже оказанную союзническую помощь. После этого в знак благодарности от лица Николая II японской монаршей чете были преподнесены награды – императору Тайсё орден Св. Андрея Первозванного, а его супруге – орден Св. Екатерины. На следующий день император Тайсё отправил на имя императора Николая II телеграмму, в которой выражал признательность за врученные знаки [Барышев 2009, с. 62–63].

В тот же день великий князь Георгий Михайлович нанес визит одному из влиятельнейших японских политиков, *гэнро*, фельдмаршалу Ямагата Аритомо в его собственной резиденции и от лица императора вручил украшенный бриллиантами орден Св. Александра Невского со словами признательности за вклад в развитие добрососедских отношений между Россией и Японией. При этом он выразил уверенность в том, что страны-союзницы в ближайшее время одер-

имеет весьма слабое документальное подтверждение. См. подробнее: [Пестушко 2008, с. 215].

жат решительную победу над врагом [Барышев 2009, с. 64]. Руководивший генеральным штабом армии в годы Русско-японской войны фельдмаршал Ямагата дал в ответ обещание приложить все силы для того, чтобы поставки вооружений в Россию были осуществлены без промедлений.

Российские награды получили и другие высокопоставленные военные и дипломаты. Бывший министром армии в 1905 г., а ныне губернатор Кореи Тэраути Масатакэ, а также премьер-министр Окума Сигэнобу и министр иностранных дел Исии Кикудзиро были пожалованы орденами Св. Александра Невского. Орденом Св. Владимира были награждены генерал-лейтенант Мицуоми Камио и вице-адмирал Като Садакити в память о взятии германской крепости Циндао [Барышев 2009, с. 64].

Награды меньшего разряда великий князь раздал во время посещения артиллерийского арсенала в Токио. Здесь он встретился с оружейниками, изготавливавшими винтовки для российской армии, и вручил им золотые и серебряные медали. Поскольку речь идет о вручении большого количества знаков, то логично предположить, что они были взяты в поездку в достаточном объеме, что называется, про запас.

Символические награждения теми же орденами были сделаны и в отношении военных дипломатов, отправленных в Россию. Японские представители – и от армии, и от флота – в составе нескольких миссий побывали в Петрограде, Москве и некоторых других крупных городах, а также непосредственно на фронтах войны. Только в первой половине 1916 г. российские оборонные предприятия посетили 8 японских делегаций, а действующую армию – 5 [Павлов 2014, с. 118].

Их присутствие было столь частым и вездесущим, что чаще всего наводило на мысль о сборе данных для военного руководства в Токио. Среди российского офицерства нередко даже возникал вопрос о целесообразности этих миссий. Так, например, осенью 1915 г. в России побывала группа представителей японского генштаба, в итоге прикомандированная к артиллерийскому складу в Ревеле (Таллинн). Сама миссия носила ознакомительный характер, конкретные задачи перед ней не ставились. По итогам ее пребывания в России, главе делегации – капитану 1 ранга Осуми – был вручен орден Св. Анны второй степени [Пестушко 2008, с. 113–114].

Но все же были и те, кто не только посещал склады и заводы, но также ставку Верховного главнокомандующего и театр боевых дей-

ствий. Так, генерал-майор Оба Дзиро был именно прикомандирован к ставке на протяжении довольно длительного времени с самого начала войны. И если за десять лет до того он участвовал в штурме Порт-Артура, то в текущей войне был несколько раз представлен к российским наградам.

Что касается краткосрочных визитов, то наиболее известным стал приезд летом 1916 г. группы во главе с генерал-лейтенантом Фукуда Масатаро и военным атташе полковником Одагири Масадзуми. Они удостоились аудиенции императора в ставке, а затем аудиенции у вдовствующей императрицы Марии Федоровны в Киеве, после чего в течение двух недель объезжали и осматривали русские позиции в прифронтовой полосе, знакомясь с командирами частей, осуществлявшими действия, позднее названные «Брусиловским прорывом». При этом японцы несколько раз попали под огонь в районе Рожище под Луцком, когда немецкие аэропланы стали сбрасывать бомбы и стрелять из пулеметов [Павлов 2014 с. 53, 239–241].

В дневнике журналиста М. К. Лемке, бывшего при ставке Верховного главнокомандующего в 1916 г., имеется следующая запись: «Японский и черногорский военные представители, оба генералы, только что вернувшиеся с фронта, по словам сопровождавшего их графа Замойского, ходили в атаку вместе с нашими войсками и вообще держали себя очень храбро, за что и получили по Владимиру на шею» [Лемке 2003, с. 203–204].

Каких-либо подтверждений того, что члены миссии Фукуда действительно были награждены именно за участие в атаке и именно орденом Св. Владимира, не обнаружено. Корнет граф А. С. Замойский действительно сопровождал группу Фукуда, но в своем отчете он сообщил, что после возвращения с линии фронта из штаба 12-й пехотной дивизии было выдано всему составу миссии лишь общее удостоверение о нахождении под огнем [Павлов 2014, с. 243–244]. При этом было очевидно, что военнослужащих такого уровня по самому их статусу считалось приличным наградить. Поэтому как минимум один из участников миссии, сам Фукуда был награжден, и к уже имевшемуся у него ордену Св. Станислава он получил впоследствии также и орден Св. Анны 1 степени⁹.

⁹ *Medals of Asia*: <https://asiamedals.info/threads/1st-class-st-stanislaus-and-st-anna-orders-for-non-christians-awarded-to-general-masataro-fukuda.25920/>

Награждения за оказание логистической помощи

Помимо этикетно-дипломатических вручений, о которых речь шла выше, следует более подробно остановиться на награждениях за оказание конкретной помощи – военной, логистической или ремонтно-технической. Практика награждения союзников в подобных случаях существовала отнюдь не только в отношении военных и не только в отношении японцев. Например, имеется документация, согласно которой были награждены моряки английских подводных лодок, потопивших немецкий крейсер «Ундине», французские подданные за строительство судов для России. Подобным же образом были награждены норвежские подданные, члены команд судов гидрографической экспедиции «Эклипс» и «Кит»¹⁰. Нередко подобные награды получали и российские матросы и офицеры от правительств стран-союзниц. Если же говорить о японских моряках, то их содействие в годы войны проявилось в следующих моментах – перевозка особо ценных грузов, осмотр и починка кораблей, предоставление оборудования со стороны морского министерства, а также помощь этого же министерства в закупке необходимого снаряжения.

Перевозка особо ценных грузов была связана с оплатой военных заказов. Дело в том, что долгое время японский бизнес, не веря в достаточную кредитоспособность российского правительства, ожидал гарантий будущих платежей, поэтому поставки оружия в нужном объеме не удавалось наладить. В итоге Петрограду пришлось согласиться со следующим предложением японского бизнеса: для России был открыт кредит в японских банках, а в качестве обеспечения гарантии этого кредита в Японию и США была вывезена большая партия золота.

Перевозка должна была быть осуществлена в кратчайшие сроки, что и было сделано японскими военными судами, которыми командовал контр-адмирал Идэ Кэндзи. В итоге командующий Сибирской флотилией вице-адмирал М. Ф. Шульц вошел с ходатайством к морскому министру И. К. Григоровичу наградить японского адмирала и его штаб «за высокополезные труды, сопряженные с большой ответственностью по двукратной приемке и доставке в Японию и Америку золотой валюты». Самого Идэ предполагалось наградить

¹⁰ РГАВМФ, Ф. 417, оп. 5, дела 3574–84.

орденом Св. Станислава 1 степени, флаг-капитана Такахаси Санкити орденом Св. Станислава 2 степени, а флаг-офицеров Тоёда Тэйдзиро и Цуцуми Масао – орденом Св. Анны 3 степени и Св. Станислава 3 степени соответственно.

В том же рапорте М. Ф. Шульц сообщал: «К этому имею честь добавить, что благодаря личным качествам контр-адмирала Иде, мне удалось завязать с ним самые тесные дружеские отношения, выразившиеся в обмене целого ряда знаков симпатии, как между нами, так и между нашими штабами и другими офицерами. Полагаю, что в лице молодого, энергичного и европейски культурного контр-адмирала Иде, имеющего безусловно большое будущее, мы приобретаем благожелательно расположенного нашим интересам сторонника»¹¹. Интересно обратить внимание на факт личной приязни на уровне двух штабов в ситуации, когда со времен Русско-японской войны прошло лишь десять лет, а речь в данном случае идет об офицерах, принимавших участие в боевых действиях 1904–1905 гг. с обеих сторон.

Японская сторона также награждала российских офицеров своими наградами. Из множества случаев приведем лишь несколько примеров. Летом 1916 г. Орден Восходящего Солнца 3 степени получил военный и морской атташе, капитан 2 ранга А. Н. Воскресенский, а командир Владивостокского порта контр-адмирал П. В. Римский-Корсаков получил такой же орден 2 степени. К тем же наградам были представлены и другие офицеры флота¹².

Оборот наград между двумя морскими ведомствами в этот период принял заметные масштабы и специфику. Упомянувшийся выше военно-морской агент в Японии А. Н. Воскресенский, уже имевший японские награды, в письме от 14/27 августа 1916 г. накануне визита принца Канъин пишет:

«Нынче пишу вам главное из-за орденов. Японские ордена для лиц нашего морского ведомства, о коих начато было еще Акиямой, теперь с предстоящей поездкой принца Канъина будут наконец выданы и все должно решиться до 10 сентября, отъезда Канъина из Петрограда... Кроме того, принцем Канъин предположено еще выдать ордена командующим флотилами Балтийского и Черного моря. Зато придется, однако,

¹¹ РГАВМФ Ф. 417, оп. 1, д. 38964, л. 1–3.

¹² РГАВМФ Ф. 418. оп. 1–3, д. 4538, л. 78–79.

сравнять с выданными нам, а именно пропущены были в Морском Министерстве помощник начальника Морского Генерального Штаба вице-адмирал Ямая, начальник Главного технического управления вице-адмирал Точинай и адъютант Генмора капитан 1 ранга Ямаока. Инженер Мута составляет все наши чертежи, и ему, собственно, следует орден более чем кому другому – он с самого начала возится с нашими заказами»¹³.

Из вышеприведенного абзаца видно, что вручение наград имело, во-первых, практический смысл: к наградам были представлены офицеры, выполнявшие конкретную техническую работу, – адъютант морского генерального штаба Ямаока Томокадзу к ордену Св. Анны 2 степени, а инженер-конструктор главного технического управления Мута Инотаро – к ордену Св. Станислава 2 степени.

Но, кроме этого, были награждения, в которых отчетливо проглядывался и сугубо дипломатический смысл, когда ответить меньшим числом на награждения противоположной стороны было невозможно. В итоге для сравнения счета к ордену Св. Анны 1 степени был представлен помощник начальника морского генштаба вице-адмирал Ямая Танин. Здесь опять уместно напомнить, что в 1904 г. он командовал бронепалубным крейсером «Акицусима», участвовавшим в битве в Желтом море 10 августа.¹⁴ К тому же ордену Св. Анны 1 степени был представлен начальник главного технического управления вице-адмирал Тотинай Содзиро, который командовал бронепалубным крейсером «Сума» в Цусимском сражении в мае 1905 г.¹⁵

Таким образом, к наградам Российской империи в годы Первой мировой войны было представлено немалое число высших офицеров японского флота, отличившихся в морских сражениях Русско-японской войны. Следует опять же подчеркнуть, что подобное стало возможно именно в силу изменения внешнеполитических курсов двух империй, невероятно сблизившихся за эти годы, поэтому острота восприятия прежнего конфликта ослабевала. И по приведенным

¹³ РГАВМФ Ф. 418, оп. 1–3, д. 4538, л. 111.

¹⁴ Напомним, что в том же сражении, но, разумеется, с другой стороны, на броненосце «Цесаревич» служил уже упоминавшийся Н. А. Матусевич, впоследствии дослужившийся до чина вице-адмирала, который, будучи в должности начальника Владивостокского порта, прислал венок на могилы японских солдат в Порт-Артур в 1908 г.

¹⁵ Ф. 417, оп. 5, д. 4576, л. 1–2.

выше ходатайствам можно утверждать, что в некоторых ситуациях в отношениях между высшими чинами российского и японского флотов возникало и человеческое доверие.

Награждение японских водолазов за помощь в снятии с мели броненосного крейсера «Пересвет»

Наиболее существенную практическую помощь в годы Первой мировой войны оказали японские моряки при ремонте русских кораблей и переводе их в порт Владивосток. В 1916 г. российское правительство выкупило ставшие японскими трофеями за десять лет до того крейсер «Варяг» («Соя»), броненосцы «Пересвет» («Сагами») и «Чесма» («Танго»)¹⁶. По замыслу они должны были перейти на север, в порт Романов-на-Мурмане (совр. Мурманск), чтобы войти в состав формируемой на Кольском полуострове флотилии.

Выкупленные в Японии в 1916 г. русские суда достаточно сильно выработали свой ресурс, к тому же требовали серьезного переоснащения – от фугасных снарядов и тросов до парусины, посуды, матрасов, рубашек и перевязочных материалов для лазарета. В вопросах снабжения японское морское министерство выступило посредником при закупках необходимого¹⁷.

Корабли были переведены во Владивосток японскими экипажами и сданы под русское командование в апреле 1916 г. Офицерский состав экипажей трех кораблей, а также крейсера «Ибуки», сопровождавшего этот отряд, был награжден знаками орденов Св. Анны и Св. Станислава разных степеней для нехристиан установленные. Более тридцати моряков кондукторских и нижних чинов были награждены золотыми и серебряными медалями с надписью «За усердие»¹⁸.

Однако на этом необходимость в японской помощи не окончилась. Она пригодилась очень скоро, в случае аварии на броненосном крейсере «Пересвет». После прибытия во Владивосток из Японии корабль прошел первичный ремонт и вышел на первые ходовые испытания с русским экипажем. При возвращении в порт он наскочил на мель

¹⁶ Изначально корабль назывался «Полтава», в японском флоте он получил названия «Танго». Однако на момент возвращения в Россию на Черноморском флоте уже появился новый корабль под именем «Полтава», поэтому «Танго» был переименован в «Чесму».

¹⁷ РГАВМФ, Ф. 418, оп. 1, д. 4539, л. 39–42

¹⁸ РГАВМФ Ф. 417, оп. 5, д. 3583, л. 9, 57–59.

у о. Скрыплёва. Имевшимися подручными средствами корабль снять с мели не удалось. Ситуация осложнилась еще и тем, что по приказу контр-адмирала А. И. Бестужева-Рюмина¹⁹ корабль несколько раз пробовали стащить с камней буксирами, в результате чего было серьезно повреждено внутреннее дно. Средствами, имевшимися в порту Владивостока, справиться с подобными повреждениями было фактически невозможно.

По этим причинам были приглашены японские специалисты, всего в работах их участвовало около 180 человек. Они сняли боевую рубку, броню, облегчили корабль. После этого к работам приступили 14 водолазов. В рапорте П. В. Римского-Корсакова отмечается их точность в определении положения корабля на камнях, а также в проведении подкильных проводников для подведения найтовых. Пробоины были залиты цементом, после чего подведены понтоны и откачана вода. Корабль сняли и отбуксировали во Владивосток.

Была отмечена работа капитана 2 ранга Фукусима Куматаро, руководившего всеми работами и капитана 2 ранга Кокума Сува, делавшего все расчеты. Особо была отмечена работа лейтенанта Хасигути Ясутака, который принимал непосредственное участие в водолазных работах. Он спустился в затопленные отсеки, обследовал пробоину и залил ее цементом, чтобы откачать воду.

По сложившейся традиции все они были представлены к соответствующим степеням орденов Св. Анны и Св. Станислава для нехристиан установленные. К награждению серебряными медалями с надписью «За усердие» были представлены около тридцати нижних чинов и мастеровых, обслуживавших эти работы.²⁰

Судя по имеющимся сведениям, награды были согласованы, утверждены и вручены. Корабль был отправлен снова в Японию – на ремонт в порт Майдзуру. Однако все усилия по ремонту крейсера «Пересвет» оказались напрасны – после починки и перехода из Японии до Порт-Саида в декабре 1916 г. он подорвался на немецких минах, более 250 человек команды при этом погибли.

¹⁹ А. И. Бестужев-Рюмин был назначен командиром отряда из трех кораблей, купленных в Японии.

²⁰ РГАВМФ, Ф. 417, оп. 5, д. 3584, л. 4–8, 9–10.

Награждение японских моряков за водолазные работы и составление проекта по подъему линейного корабля «Императрица Мария»

Следующим поводом для запроса помощи японских водолазов, стал трагический случай, произошедший в Севастополе 20 октября 1916 г., когда на борту линкора «Императрица Мария» прогремел страшный взрыв и погибло несколько сот человек. Корабль после взрыва перевернулся и затонул на 20-метровой глубине в полумиле от берега. Прежде чем поднимать корабль, необходимо было выяснить состояние и точное положение корабля. В России работ по обследованию и подъему кораблей такого класса прежде не проводилось. Поэтому на одном из заседаний Технического Совета Главного Управления Кораблестроения генерал-лейтенант В. П. Ведерников высказал предложение обратиться за помощью и консультациями к иностранным специалистам из Италии, США и Японии, имевшим опыт подобных операций.

Так, например, японские моряки и водолазы имели значительный опыт по подъему русских кораблей в Порт-Артуре, а также крейсера «Микаса», затонувшего осенью 1905 г. на рейде Сасэбо после взрыва в одном из погребов. Итальянские же специалисты пытались поднять сопоставимый с «Императрицей Марией» линкор «Леонардо да Винчи», также затонувший после внутреннего взрыва летом 1916 г.

Ни одна из американских, английских и итальянских фирм не дали прямого ответа. Лишь японская сторона ответила согласием и направила комиссию в Севастополь в составе 12 человек. В нее входили водолазы, корабельные инженеры, инженеры-механики, техники, плотники и другие специалисты. Сопровождал ее военный атташе Танака Котаро. Группа прибыла в Севастополь уже в декабре 1916 г.

После проведения водолазных работ подполковник Фукуи Дзюмэй и инженер-механик Курода Такума разработали многоэтапный проект поднятия судна, имевший много общего с одним из российских проектов. Все работы предполагалось завершить в течение восьми месяцев, для чего планировалось привлечь не менее двухсот(!) японских рабочих и специалистов. Проект этот был одобрен Главным управлением кораблестроения (ГУК), и было принято решение о том, чтобы просить японское командование начать его осуществление.

Однако в марте 1917 г. японская миссия вынуждена была вернуться домой. Дело в том, что еще 14 января в Йокосуке на рейде от внутреннего взрыва затонул броненосный крейсер «Цукуба», в результате чего погибло свыше 350 человек. И японские водолазы были востребованы в ликвидации этого инцидента.

Участники миссии, продлившейся несколько месяцев, были представлены к награждению за водолазные работы и труды по составлению проекта подъема корабля. В ходе представления выяснилось, что как минимум двое ее участников уже были награждены российскими наградами. Собственно капитан 1 ранга К. Танака имел орден Св. Станислава 2 степени со звездой и Св. Анны 2-й степени. А корабельный инженер капитан Хасигути Ясутака уже был награжден орденом Св. Станислава 3 степени²¹. В недавнем прошлом лейтенант, а теперь капитан Хасигути получил свою награду, как уже было указано выше, за водолазные работы на крейсере «Пересвет», проведенные за полгода до этого²².

Таким образом, представления к орденам в двух последних случаях – за работы на крейсере «Пересвет» и линкоре «Императрица Мария» – стали вознаграждением за наиболее сложные и необходимые российскому флоту работы. Дополнительным подтверждением качества этой работы служит факт неоднократного награждения некоторых японских моряков.

Гражданская война и награждение японских военных

События 1917 г. – две революции и начало Гражданской войны в России – кардинально изменили внешнеполитическое положение страны в целом и взаимоотношения с Японией, в частности. Вопрос об участии России в войне и о взаимоотношениях со странами Антанты, разумеется, в новой исторической реальности был истолкован разными политическими силами по-своему. Если большевики отрицали всяческую легитимную связь с предыдущей властью, то лидеры Белого движения (в частности, правительство А. В. Колчака) делали ставку на то, что они являются законными представителями и леги-

²¹ РГАВМФ: Ф. 417, оп. 2, д. № 2320, л. 63.

²² Хасигути Ясутака (1895–1948), будучи флотским инженером, дослужится до чина контр-адмирала.

тимными правопреемниками Временного и Царского правительств, гарантами выданных прежде военных, политических и финансовых обязательств.

В этой логике Япония продолжала оказывать союзническую помощь Белому движению, считая легитимным правительство А. В. Колчака. Причем зачастую представителями Токио были ровно те же люди, что работали в России в предшествовавшие годы. Достаточно сказать, что в конце 1918 г. главой японской военной миссии при правительстве А. В. Колчака в Омске был назначен уже упоминавшийся выше Танака Котаро – в прошлом военный атташе в России, а ныне адмирал. И пресса, и люди из окружения Колчака отмечали прекрасное знание русского языка и русских реалий адмиралом, а также его особо дружеские отношения с Верховным правителем России. Понятно, что эти отношения возникли еще в 1916–1917 гг., когда А. В. Колчак командовал Черноморским флотом, а Танака Котаро возглавлял миссию японских специалистов в Севастополе, обследовавших затонувший линкор «Императрица Мария».²³

Японские военные поддерживали также и атамана Г. М. Семёнова, до определенной степени координировавшего свои действия с А. В. Колчаком. Уже осенью 1917 г. Г. М. Семенов отправляется на Дальний Восток и пытается возглавить антибольшевистские силы в Маньчжурии и Забайкалье. Он занимается созданием военных отрядов, и к весне 1918 г. его силы насчитывают несколько тысяч человек.

С японской стороны контакты с атаманом (если не шефство над ним) осуществлял начальник военной резидентуры в г. Харбин полковник Куросава Хитоси, ставший позднее начальником японской военной миссии в Чите. Здесь также следует отметить тот факт, что еще в 1916 г. Куросава Хитоси сопровождал принца Канъин в поездке в Петроград, Москву и в ставку Верховного главнокомандующего²⁴. Скорее всего, именно в этой поездке, как сопровождающее лицо он был представлен к ордену Св. Станислава 1 степени²⁵ – лишнее

²³ В конце жизни адмирал оставил воспоминания о своем пребывании в Омске и об отношениях с А. В. Колчаком: *Кокурицу ко:бун сёкан. Адзиа рэкиси сирё: сэнта*: <https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/listPhoto?LANG=default&BID=F2012081317121190329&ID=M2012081317121290342&REFCODE=B12080958900>

²⁴ РГИА Ф. 473, оп. 2–261, д. 1951, л. 85

²⁵ *Кокурицу ко:бун сёкан. Адзиа рэкиси сирё: сэнта*: <https://www.digital.archives.go.jp/das/image/M0000000000000045391>

подтверждение тому, что люди, работавшие на российском направлении, продолжили свою деятельность и после 1917 г.

Почести же ему продолжил оказывать и Г. М. Семенов: в знак благодарности за оказание всесторонней помощи полковник Куросава был назначен 21 ноября 1919 г. почётным командиром одного из полков «с пожизненным зачислением в списки полка и 1-й сотни с правом ношения формы, присвоенной полку за воздаяние трудов, понесённых по воссозданию русской государственности и восстановлению порядка в пределах вверенного Семёнову округа».²⁶

В составе Особого Маньчжурского Отряда (О.М.О.) Г. М. Семенова среди прочих частей имелся добровольческий батальон, состоящий из японцев. Следует особо отметить, что служащие в этом батальоне японцы не являлись военнослужащими регулярных частей, дислоцированных на российском Дальнем Востоке. Формально они не состояли на службе в японской армии и действовали отдельно²⁷. При этом рекрутированием добровольцев также занимались представители японской военной резидентуры, и к апрелю 1918 г. их уже насчитывалось 346. Это были преимущественно военнослужащие запаса – как в офицерском звании, так и рядовые [Полутов 2012, с. 76].

Сохранившиеся приказы о награждениях японцев, служивших в О.М.О., свидетельствуют о том, что награжденных было около 300 человек – как офицеров, так и рядовых:

- Орден св. Анны 1-й степени – 2 человека;
- Орден св. Анны 2-й степени – 61 человек;
- Орден св. Анны 3-й степени – 119 человек;
- Ордена св. Владимира 3-й степени – 5 человек;
- Ордена св. Станислава 2-й степени – 19 человек;
- Ордена св. Станислава 3-й степени – 35 человек;
- Георгиевский крест 4-й степени – 18 человек.²⁸

Первые награждения орденами японские офицеры О.М.О. получили весной 1918 г., когда части Г. М. Семенова повели наступление из Маньчжурии. Командир японского добровольческого батальона

²⁶ ГАЗК Ф. 329. оп. 1, д. 46.

²⁷ Параллельно следует отметить тот важный факт, что еще в 1918 г. японское командование отказало А. В. Колчаку в посылке войск западнее Омска. В дальнейшем, на протяжении всех лет присутствия в регионе регулярные японские части уклонялись от прямых боевых столкновений с регулярными частями Красной Армии и Армией ДВР [Дацышен 2021, с. 123].

²⁸ ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 10, 46, 82.

Окумура Хироси 27 мая 1918 г. в бою за переправу через Онон в 12-ти верстах южнее ст. Оловянной занял позицию в арьергарде и отразил атаки красной конницы, прорвавшейся с тыла, чем дал возможность отвести части О.М.О. и спасти их от полного уничтожения. В другом бою, 28 июля того же года, майор Такэда Отохару, неподалеку от ст. Маньчжурия (совр. Отпор), сумел отбить захваченную красными частями сопку Атамановскую. Майор во время боя лично принял на себя командование батальоном, сумел захватить пленных и несколько пулеметов. В обоих случаях японские офицеры были награждены орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, образца, установленного для чинов О.М.О. [Селиванов 2017, с. 29, 192]

Регулярные части японского экспедиционного корпуса – 3-я, 7-я и 12-я пехотные дивизии, а также отдельные части и подразделения – активно сотрудничали с войсками Г. М. Семенова, особенно после вступления его отрядов в Читу. Ряд наград японские офицеры получили за участие в Богдатском сражении 1919 г. Однако большая часть награждений, сделанных за пределами О.М.О., свидетельствует о том, что помощь носила не столько военный, сколько хозяйственно-экономический, логистический и технический характер. Японские военнослужащие помогали в делопроизводстве О.М.О., работали в лазаретах Забайкалья, обеспечивали доставку продовольствия. Награждались также японцы, коменданты железнодорожных станций на Транссибе.

О.М.О. имел особенный вариант орденов для нехристиан, которыми также награждали прикомандированных Семёнову японцев. Это был орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Он имел отличительную гравировку – буквы О, М и О на трех из четырех концах креста. Изготавливались также ордена Св. Анны и Св. Станислава. Пока ставка Отряда находилась в Чите, ордена изготавливались с применением слоновой кости вместо эмали в Художественно-промышленном училище, образованном в результате объединения эвакуированной в 1919 г. из Екатеринбурга Художественно-промышленной школы с читинской ХПШ [Алексеев 2019, с. 139–145]. В Читинской типографии были изготовлены художественные образцы грамот на награждение орденом Св. Георгия 4-й степени [Селиванов 2017, с. 45]. После поражения Белого движения в Забайкалье и отступлении частей Г. М. Семенова в Маньчжурию – с ноября 1920 г. орденские знаки св. Георгия св. Анны и св. Станислава изготавливались в Харбине [Селиванов 2017, с. 62].

Своеобразным эпилогом взаимодействию японского командования и атамана Г. М. Семенова может послужить эпизод, произошедший уже после разгрома Белого движения и вывода японских войск с территории российского Дальнего Востока.

Семёнов покидал Россию через Приморье, откуда сначала переместился в Сеул, где он встретился с генералом Оба Дзиро, в прошлом командующим 3-й дивизии, расквартированной в Чите. Встреча произошла во дворце генерал-губернатора Кореи, где в честь российского гостя был устроен обед, к которому генерал Оба вышел, надев все имевшиеся у него русские ордена. Семёнов по поводу этого в своих мемуарах писал, что доброе к нему отношение в военной среде Японии явно не изменилось [Семенов 2007, с. 290]. Сотрудничество Г. М. Семенова с японскими военными продолжится и после 1922 г., однако далее оно будет носить принципиально иной характер и не будет кардинально влиять на собственно отношения между Японией и Россией, где установилась иная власть.

Что же касается биографии генерала Оба Дзиро, то в очередной раз важно отметить много общего с биографиями других, вышеперечисленных военных. В годы Русско-японской войны он участвовал в осаде Порт-Артура, а в годы Первой мировой был военным представителем Японии в ставке Верховного Главнокомандующего в России. С началом Гражданской войны, в 1918 г. он был назначен командиром 3-й дивизии, расквартированной в Чите, которая несла охрану железной дороги от Нерчинска до Верхнеудинска.

Таким образом, биография Оба Дзиро показывает основные этапы, повторяющиеся в жизни многих японских военнослужащих к. XIX – н. XX вв., имевших отношение к России, – война в 1904–1905 гг., сотрудничество в годы Первой мировой, отмеченное наградами, а также помощь тем политическим и военным силам, которые в годы Гражданской войны боролись с большевиками.

Заключение

Вышеприведенный обзор событий и обстоятельств, в которых японские военнослужащие получали российские награды на протяжении 15 лет, показывает, насколько сложным и многоплановым было взаимодействие России и Японии в начале XX в. Это был период двустороннего сближения, отмеченный взаимными колониальными

и геополитическими интересами. Достаточно быстро память о войне 1904–1905 гг. стала поводом для проявления ритуалов примирения: военные с обеих сторон пытались друг друга наградить или отметить мужество вчерашних соперников.

На высоком государственном уровне состоялось несколько десятков символических вручений, включая российские награды японской императорской чете и принцам, представителям правящего рода. Довольно часто награждался высший офицерский состав – адмиралы и генералы. При этом во множестве случаев российские награды вручались тем военным, которые за несколько лет до того проявили себя в сражениях войны 1904–1905 гг.

В годы Первой мировой войны, помимо этикетно-дипломатических награждений по своему назначению, было множество вручений наград за оказание конкретной помощи, особенно в области военно-морского сотрудничества – перевозка грузов, оснащение русских кораблей, ликвидация последствий аварий на кораблях «Пересвет» и «Императрица Мария».

После 1917 г. в годы Гражданской войны Япония поддержала те политические силы, которые подтверждали преемственность военных и финансовых обязательств Царского и Временного правительств. Неудивительно поэтому, что дипломатические контакты с правительством А. В. Колчака и всестороннюю помощь отрядам атамана Г. М. Семенова осуществляли именно те японские высшие офицеры – адмиралы и генералы, – которые работали в России еще до 1917 г. и уже были награждены российскими орденами.

С окончанием Гражданской войны и установлением советской власти в России начинается новый период двусторонних отношений, наполненный новым содержанием. Однако даже в моменты немногочисленных потеплений между Японией и СССР столь массовые награждения орденами и медалями военнослужащих противоположной стороны, как это было до того, станут попросту невозможны.

Библиографический список

Алексеев Е. П. (2019) Екатеринбургская художественно-промышленная школа в Чите. Июль 1919 – январь 1921 гг. *Региональные архитектурно-художественные школы*. № 1. С. 139–145.

Барышев Э. А. (2009) Японская миссия Великого князя Георгия Михайловича. *Знакомьтесь – Япония* № 50. С. 58–72.

Гришачев С. В. (2020) Россия и Япония: Исторические обиды как фактор национальной идентичности. *История*. Т. 11. Вып. 12 (98). DOI: 10.18254/S207987840010434-6

Дацышен В. Г. (2021) Япония и российское правительство А. В. Колчака. К проблеме современного отношения к японской интервенции в Сибири. *Японские исследования*, № 1, с. 121–140. <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-1-121-140>

Левин С. С. (2003) *Орден Святого Апостола Андрея Первозванного (1699–1917). Орден Святой Великомученицы Екатерины (1714–1917). Списки кавалеров и кавалерственных дам.* – Москва: ГИМ.

Лемке М. К. (2003) *250 дней в царской ставке.* – Минск: Харвест.

Павлов Д. Б. (2014) *Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны.* – Москва: Политическая энциклопедия.

Пестушко Ю. С. (2008) *Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1917).* – Хабаровск: ДВГГУ.

Полутов А. В. (2012) Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.). *Вестник ДВО РАН*, № 4. С. 71–84.

Пономарев В. П., Шабанов В. М. (сост.) (2009) *Кавалеры Императорского ордена Святого Александра Невского, 1725–1917: Биобиблиографический словарь.* 3 т. Т. 3. – Москва: Русский мир.

Селиванов М. С. (2017) *История знаков гражданской войны в России. 1917–1922 гг.* 3 т. Т. 3. – Москва [б.и.].

Семенов Г. М. (2007) О себе. Воспоминания, мысли и выводы (1904–1921) – Москва: Центрполиграф.

References

Alekseev, E. P. (2019). Ekaterinburgskaya khudozhestvenno-promyshlennaya shkola v Chite. Iyul' 1919 – Yanvar' 1921 gg. [Yekaterinburg School of Industrial Art in Chita. July 1919–January 1921]. *Regional'nye arkhitekturno-khudozhestvennyye shkoly*. [Regional Schools of Art and Architecture], 1, 139–145. (In Russian).

Baryshev, E. A. (2009). Yaponskaya missiya Velikogo knyazya Georgiya Mikhaylovicha [Japanese Mission of the Great Prince Georgy Mikhaylovich]. *Znakom'yes' – Yaponiya* [Meet Japan], 50, 58–72. (In Russian).

Datsyshen, V. G. (2021). Yaponiya i rossiiskoye pravitel'stvo A. V. Kolchaka. K probleme sovremennogo otnosheniya k yaponskoi

interventsii v Sibiri [Japan and the Russian Government of A. V. Kolchak. On the Issue of the Contemporary Evaluation of the Japanese Intervention in Siberia]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 1, 121–140. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-121-140

Grishachev, S. V. (2020). Rossiya i Yaponiya: Istoricheskie obidy kak faktor natsional'noi identichnosti [Russia and Japan: Historical Grievances as National Identity Attribute]. *Istoriya*, Vol. 11, Issue 12 (98). DOI: 10.18254/S207987840010434-6. (In Russian).

Lemke, M. K. (2003). *250 dnei v tsarskoy stavke*. [250 Days in the Tsar's Supreme Headquarter]. Minsk: Kharvest. (In Russian).

Levin, S. S. (2003). *Orden Svyatogo Apostola Andrey a Pervozvannogo (1699–1917). Orden Svyatoi Velikomuchenitsy Ekateriny (1714–1917). Spiski kavalerov i kavalerstvennykh dam* [Order of Saint Andrew the Apostle the First-Called (1699–1917). The Order of Saint Catherine the Great Martyr (1714–1917). The List of Knights and Dames]. Moscow: State Historical Museum. (In Russian).

Pavlov, D. B. (2014). *Russko-yaponskie otnosheniya v gody Pervoi mirovoi voyny*. [Russo-Japanese Relations During the First World War]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Pestushko, Y. S. (2008). *Rossiisko-yaponskie otnosheniya v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–1917)*. [Russo-Japanese Relations During the First World War (1914–1917)]. Khabarovsk: Far Eastern State University for the Humanities. (In Russian).

Polutov, A. V. (2012). Yaponskie voennye missii v Man'chzhurii, Sibiri i na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1922 gg.). [Japanese Military Missions in Manchuria, Siberia, and the Russian Far East During 1918–1922]. *Vestnik DVO RAN* [Herald of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 4, 71–84. (In Russian).

Ponomarev, V. P., Shabanov, V. M. (eds.). (2009). *Kavaleriya Imperatorskogo ordena Svyatogo Aleksandra Nevskogo, 1725–1917: Biobibliograficheskii slovar'*. [The Knights of the Order of Alexander Nevsky, 1725–1917: Dictionary of Biographies and Bibliography]. Vol. 3. Moscow: Russkii mir. (In Russian).

Selivanov, M. S. (2017). *Istoriya znakov grazhdanskoi voyny v Rossii. 1917–1922 gg.* [History of Awards of the Civil War in Russia. 1917–1922]. Vol. 3. Moscow. (In Russian).

Semenov, G. M. (2007). *O sebe. Vospominaniya, mysli i vyvody (1904–1921)*. [About Myself. Memories, Thoughts, and Conclusions]. Moscow: Tsentrpoligraph. (In Russian).